

Айрина Лис

Яга. Заповедник
страха и курочка
Ряба

Айрина Лис

Яга. Заповедник страха и курочка Ряба

<https://litres.ru/73532723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как живётся на пенсии бывшему следователю магической безопасности? Ядвига Карловна Громова, она же Баба-яга, знает ответ: лечи радикулит Лешему, вари приворотное зелье для деревенских дурачков и не высывайся. Но когда Курочка Ряба сносит золотое яйцо с черепом на скорлупе, а в Заповеднике Сказочный Лес начинает орудовать тварь, способная вычеркнуть любого из реальности, Ядвиге приходится вспомнить молодость. В компанию к ней набиваются трусоватый Кот Баюн, капризная Избушка на курьих ножках и загадочная Мышка-норушка с голосом из прошлого. Впереди — Топь Тоски, река Самозабвения, визит инспектора Гоголя и встреча с собственной тенью, которая ждала пятьдесят лет. Юмористическое фэнтези о том, что настоящая сила — не в магии, а в умении простить себя.

Содержание

ПРОЛОГ: «Изольда Андреевна, не скрипи!»	4
ГЛАВА 1: «Курочка Ряба и Тайна Золотого Желтка»	22
ГЛАВА 2: «Топь Тоски: Место, где плачут даже черти»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Айрина Лис

Яга. Заповедник страха и курочка Ряба

ПРОЛОГ: «Изольда Андреевна, не скрипи!»

Глубокая, промозглая ночь облепила Заповедник Сказочный Лес, как мокрая простыня. Бабье лето, которое обещало быть золотым и тёплым, безнадежно испортилось ещё на прошлой неделе – кто-то из молодых леших перестарался с заклинанием осеннего равновесия, и теперь ветер выл так, словно у него болели все зубы сразу.

Избушка на курьих ножках стояла на самой опушке Гнилой балки, нервно перебирая пальцами-когтями по мокрой земле. Её звали Изольда Андреевна, и она пребывала в скверном расположении духа. Во-первых, у неё разболелись суставы – куриный артрит, знаете ли, штука серьёзная. Во-вторых, хозяйка уже третий час долбила молотком по крыше, и каждый удар отдавался вибрацией во всех бревенчатых позвонках.

– Изольда Андреевна, не скрипи! – донеслось сверху, из

слухового окна, где торчала взлохмаченная голова с седыми космами. – Я и так еле держусь, а ты мне ещё нервы мотаешь!

Изба обиженно всхлипнула ставнями и попыталась при-сесть пониже, чтобы уменьшить сквозняк, но от этого крыша накренилась ещё сильнее, и Ядвига Карловна едва не свали-лась вниз вместе с охапкой сухого мха.

– Тьфу ты, нечисть деревянная! – проворчала ведьма, цеп-ляясь за трубу. – Сто лет стояла – и ничего, а как только до-жди зарядили, так сразу «ой, коленки болят, ой, спина стре-ляет». Спортзал тебе нужен, а не крыша!

Изольда Андреевна в ответ скрипнула половицами в при-хожей – это означало высшую степень негодования. Она во-обще была дамой с характером: если Ядвига забывала поче-сать её за наличник, изба могла целый день хлопать дверьми и переставлять комнаты местами так, что туалет оказывался в спальне, а спальня – в чулане.

Но сейчас Ядвиге было не до капризов. Она наконец за-ткнула дыру в крыше пучком заговорённой соломы и, крях-тя, спустилась по приставной лестнице внутрь. В избе пах-ло сушёными мухоморами, мятой и ещё чем-то тёплым, по-чти забытым – детством, что ли? Хотя какое у ведьмы может быть детство? Обычно у них сразу юность с метлой и котлом.

Кот Прохор возлежал на полатях, раскинув лапы в сторо-ны, и лениво вещал в пространство:

– ...И тогда серый волк говорит Ивану-дураку: «Садись на меня, брат, домчу до тридевятого царства за полцены, толь-

ко блох потом вычеси». А Иван ему: «А ты скидку студенческую дашь?» Ну, волк, конечно, обиделся и съел его. Мораль: не торгуйся с теми, кто крупнее тебя.

Мухи, которые действительно облепили потолок, от скуки начали падать вниз одна за другой. Прохор рассказывал эту историю уже четвёртый раз за вечер, и даже тараканы, живущие за печкой, разбежались по щелям.

Ядвига швырнула молоток в угол, плюхнулась на лавку и устала на кота тяжёлым взглядом опытного следователя.

– Прохор, ты бы хоть новую сказку придумал. А то всё одно и то же: волк, Иван, скидки. У людей сейчас страхи другие. Вон, в деревне говорят, что молодые упыри вообще не кусают никого – диету держат, кровь обезжиренную пьют. Срам!

Кот лениво приоткрыл один глаз. Глаз был зелёный, наглый и слегка светился в темноте.

– А чего их бояться, этих упырей? – промурлыкал он. – Раньше были страхи – дай боже! Помнишь, как Лихо Одноглазое по лесу бродило? Как войдёт в избу – все в слёзы, посуда бьётся, молоко киснет. А теперь? Молодёжь только кредитов боится да ЕГЭ. Эх, вырождается нечисть.

Ядвига вздохнула и полезла в карман за кисетом с травой. Она курила не табак, а специальную смесь из сушёной крапивы и сон-травы – помогало от головной боли и от глупости окружающих.

– Ты прав, Прохор, – сказала она, раскуривая самокрутку.

– Страх нынче не тот. Раньше, бывало, выйдешь в полночь на перекрёсток – а там черти в карты режут, мертвецы из могил встают, леший тропинки путает. Красота! А сейчас? Сидят по домам, в интернете сидят, друг друга букашками пугают. Скукотища.

– Так может, и нам завести интернет? – предложил Кот, потягиваясь. – Говорят, там котиков много, видео с ними...

– Цыц! – Ядвига швырнула в него валенком. – Ты и так котик, ещё мне видео не хватало. Лучше скажи, чувствуешь что-нибудь?

Проخور наострил уши. Его усы затрепетали, а зрачки расширились, став почти чёрными.

– Чую, – сказал он после паузы. – Лес беспокойный. Кто-то чужой бродит. Не наш.

Ядвига напряглась. Кот Баюн хоть и был трусоват, но нюх имел отменный. Если он говорит «чужой», значит, дело дрянь.

– Давно?

– С заката. Идёт, не прячется. Станный такой, как будто... как будто его нет, а он есть.

– Не темни, Проخور. Говори ясно.

Кот зевнул, демонстрируя клыки размером с мизинец.

– Ясно, бабуля, ясно. Только ты всё равно не поверишь. Он из снов пришёл. Из тех снов, которые не помнятся, а остаются под веками, как песок.

Ядвига хотела ещё что-то спросить, но в этот момент в

окно с размаху врезалось золотое яйцо.

Оно не разбилось вдребезги, как обычное, а аккуратно прожгло в стекле дыру с оплавленными краями – словно лазером резанули – и, кувыркаясь, шлёпнулось прямо в крынку с молоком, стоявшую на столе. Молоко мгновенно вскипело и покрылось золотистой пеной.

Ядвига и Кот устали на крынку. Из молока доносилось приглушённое кудахтанье, очень похожее на истерику.

– Мамочки-курочки! – голосил кто-то тоненько и надрывно. – Оно пришло! Оно пришло, я же говорила! У Соловья голос украло! Прямо во время концерта! А у Лешего борода отсохла! А у Водяного...

Кудахтанье захлебнулось, потому что Ядвига решительно запустила руку в молоко и выудила яйцо. Оно было ледяным, хотя только что кипятком плескалось. Холод шёл от него такой, что пальцы начало ломить, а по избе поползли струйки пара – это тёплый воздух встречался с арктической скорлупой.

– Тихо, Ряба, – сказала Ядвига, разглядывая яйцо. – Дай хоть поглядеть, что ты там снесла.

На скорлупе, переливаясь тусклым золотом, проступали письмена. Не простые, вроде «снесено такого-то числа», а древние, рунические. Ядвига такие видела только один раз в жизни – в архивах Ведомства, в разделе «Особо опасные артефакты». Руны шевелились, как живые, складываясь в слова и тут же распадаясь.

– «Смотри», – прочитала вслух Ядвига. – Ишь, командует.

Она сжала яйцо покрепче. Скорлупа поддалась, и вместо желтка оттуда хлынул свет. Не яркий, а какой-то больной, желтовато-серый, как старая плёнка. Свет растёкся по избе, и в нём начали проявляться картинки.

Вот Соловей-Разбойник, одетый в расшитый золотом кафтан, стоит на сцене. Вокруг – лесные жители: лешие, кикиморы, даже несколько русалок в первом ряду (они специально из озера вылезли, чтобы посмотреть на звезду). Соловей открывает рот, чтобы исполнить свою коронную руладу, ту самую, от которой у людей уши сворачиваются в трубочку. Но изо рта не вылетает ни звука. Вообще ни звука. Тишина накрывает зал такой плотной ватой, что становится видно, как шевелятся губы, как дрожат усы у Лешего, но всё это безмолвно, как в немом кино.

А потом тишина начинает пожирать свет. Сначала гаснет софит над сценой, потом лампочки в зале, потом исчезают тени. И в этой темноте проявляется ОНО. Фигура. Сначала просто пятно, потом контур, потом... Ядвига не могла подобрать слова. Фигура была соткана из мотыльков – миллиардов серых мотыльков, которые непрерывно шевелились, переползали друг по другу, создавая иллюзию движения. А внутри мотылькового роя просвечивала старая киноплёнка, кадры, на которых кто-то кричал, бежал, падал. Плёнка заедала, плавилась, и мотыльки съедали её.

Ядвига выронила яйцо. Оно упало на пол, но не разби-

лось, а покатилося под лавку, оставляя за собой светящийся след.

В избе повисла тишина. Даже ветер за окном перестал выть, даже Избушка перестала скрипеть – замерла, прислушиваясь.

– Мать честная, – выдохнул Кот Прохор, у которого шерсть встала дыбом, отчего он стал похож на гигантский одуванчик. – Это что за чучело?

Ядвига молчала. Она смотрела на свои руки – они дрожали. Не от страха, нет. От холода, который остался от яйца, и от узнавания. Она видела эту фигуру однажды, пятьдесят лет назад. Тогда она думала, что это просто галлюцинация, последствие контузии после взрыва в Лесном Департаменте. Но теперь...

– Прохор, – голос её сел, пришлось откашляться. – Ты чувствуешь, кто это?

Кот шумно втянул носом воздух, чихнул и жалобно мяукнул:

– Чую, бабуля. Это... это пустота. Не пахнет ничем. Вообще ничем. Так не бывает. Даже у мертвецов пахнет сыростью и червями, а тут – ничего. Как в вакууме.

Ядвига поднялась с лавки, хрустнув коленями. Годы давали о себе знать, но сейчас она чувствовала не боль, а странный подъём. Тот самый, старый, боевой, который она испытывала каждый раз, когда брала след особо опасной нечисти.

– Изольда Андреевна, – позвала она тихо. – Ты как?

Имба ответила коротким скрипом – мол, жива пока, но если ещё раз так напугаешь, я на тебя крышу обрушу.

– Ладно, – Ядвига подошла к огромному дубовому сундуку, окованному медными полосами. – Пора вспомнить молодость.

Она откинула тяжёлую крышку. Внутри лежали вещи, которых обычный человек испугался бы до икоты: засушенные руки мертвецов, банки с глазными яблоками, клубок из волос утопленницы, пара любовных приворотов в пыльных флаконах. Но Ядвига полезла на самое дно и вытащила кожаную кобуру, изрядно потёртую, с выцветшей нашивкой «ВМБ. Спецотдел».

Она расстегнула клапан и извлекла оружие. Это был не пистолет в обычном понимании. Скорее, нечто среднее между обрезом и магическим жезлом. Короткий ствол, широкий раструб, вместо курка – рычажок с тремя положениями. На стволе гравировка: «Сглаз-12. Мощность: от лёгкого косоглазия до летального исхода».

– Здравствуй, старушка, – прошептала Ядвига, поглаживая шершавый металл. – Давно не виделись.

Кот спрыгнул с полатей и осторожно приблизился, косясь на оружие.

– Ты что задумала? – спросил он с подозрением. – Это же конфисковали тогда, после того дела...

– Конфисковали, – согласилась Ядвига. – А я, грешным делом, копию сделала. Да и спрятала подальше. Вдруг при-

годится.

– И пригодилось? – Кот нервно дёрнул ухом.

– Похоже, что да.

Ядвига взвесила «Сглаз» в руке. Тяжёлый, надёжный. В обойме – двенадцать зарядов с разными сглазами. От лёгкого «чтоб у тебя соседи плесневели» до «да обратишься ты в жабу навеки». Самый мощный, четвёртый уровень, она ни разу не применяла. Говорили, что после него даже пыль не остаётся.

– Рассказывай, Прохор, – велела она, засовывая кобуру за пояс. – Что ещё чувствуешь? Куда эта тварь направилась?

Кот зажмурился, сосредоточился. Его усы зашевелились, вытягиваясь в стороны, как антенны.

– Идёт к Кургану Забытой Правды, – наконец произнёс он. – Туда, где твоя напарница... ну, ты знаешь.

Ядвига замерла. Аглая. Даже спустя пятьдесят лет это имя отдавалось в груди тупой болью. Она виновата. Она не уберегла. И теперь эта тварь, сотканная из мотыльков и старой плёнки, идёт туда, где покоится тайна её гибели. Совпадение? Нет, в Заповеднике случайностей не бывает.

– Собирайся, – бросила она коту. – Идём.

– Куда?! – Прохор отступил на шаг. – Ты с ума сошла? Ночь на дворе, ветер, дождь, а там эта... эта хрень летает! Я спать хочу, у меня завтра мышинный день, надо когти точить!

– Прохор, – Ядвига посмотрела на него тяжёлым взглядом, от которого даже упыри разбежались. – Ты мне нужен.

Без тебя я эту тень не выслежу. А если она доберётся до Кургана раньше нас, тогда прощай Заповедник. Прощай твоя сметана, твои мыши, твои полаты. Гоголь придёт и всех спишет.

Кот побледнел (насколько может побледнеть рыжий кот).

– Гоголь? Тот самый?

– Тот самый. Инспектор из Гоголевского управления. У него вместо лица чистый лист, и он пишет «Мёртвые души» в прямом смысле. Кого опишет – тот исчезает. Навсегда.

Прохор судорожно сглотнул и попятился к двери.

– Тогда я точно не пойду. Меня опишут – и поминай как звали. Я ещё молодой, мне жить надо!

– Трус, – беззлобно бросила Ядвига. – Ладно, сиди. Я сама.

Она накинула на плечи старый плащ-невидимку (правда, он уже выцвел и скрывал только левую половину тела, но и то хлеб), сунула в карман моток верёвки, сплетённой из жил упыря, и на прощание погладила кота по голове.

– Если не вернусь через три дня, скажешь Изольде, пусть меня не ждёт. И передай Рябе, что её яйца – просто золото. В прямом смысле.

Кот шмыгнул носом и вдруг решительно встал на лапы.

– Ладно, чёрт с тобой! – рявкнул он. – Пойду! Но только потому, что без меня ты там точно пропадёшь. И за сметану потом с тебя тройной счёт!

Ядвига усмехнулась и толкнула дверь. В лицо ударил ле-

дяной ветер, смешанный с дождём. Лес шумел, как разбуженное море. Где-то далеко ухнул филин, и ему отозвался волчий вой.

– Ну здравствуй, молодость, – сказала Ядвига в темноту. – Кто ж тебя, такого уroda, сюда занёс?

Она шагнула за порог, и дверь за ней захлопнулась. Избушка проводила хозяйку тревожным скрипом – ей совсем не нравилась эта затея. Но спорить с Ядвигой Карловной, когда та в таком настроении, было себе дороже. Изольда Андреевна вздохнула всеми ставнями и начала медленно поворачиваться, чтобы прикрыть вход от ветра.

А внутри, под лавкой, золотое яйцо всё ещё слабо светило, и в его глубине, среди мотыльков и старой плёнки, мелькали новые кадры: чьи-то глаза, полные ужаса, и знакомая всем, кто служил в Ведомстве, эмблема – двуглавый орёл, держащий в лапах не скипетр с державой, а череп и песочные часы.

Это был знак высшего руководства. Того, кто стоял над всеми отделами, включая Гоголевское управление. И этот кто-то только что сделал первый ход.

Кот Прохор, оставшийся в избе, подошёл к яйцу, осторожно тронул его лапой и отдёргнул – слишком холодно. Он поёжился и полез на печь, где было теплее. Но сон не шёл. В голове крутились слова хозяйки: «Гоголь, Курган, Аглая». И где-то глубоко, под слоем обычной кошачьей трусости, ворочалось беспокойство. Что-то было не так. Что-то важное,

что они оба упустили.

За окном ветер завыл с новой силой, и на мгновение Прохору показалось, что в этом вое слышится смех. Тонкий, металлический, как писк механической мыши.

Он зажмурился и накрыл голову хвостом. Утро вечера мудренее. А пока – спать.

Но сон не приходил, а в углах избы, там, где не горел свет, начали сгущаться тени. Они шевелились, тянулись к печи, и в каждой тени мерещились мотыльки.

Ядвига шагала по лесу, и каждый шаг давался с трудом – ноги вязли в прелой листве, ветки хлестали по лицу, а дождь заливал глаза. Но она не останавливалась. За плечами висел «Сглаз-12», в кармане позвякивали запасные обоймы, а в голове прокручивался план.

Сначала к Топи Тоски. Там она возьмёт клюквы – для тонуса, и заодно проверит, не тронуло ли болото. Потом через реку Самозабвения – надо будет не забыть привязать себя верёвкой к поясу, чтобы не смыло память. И наконец – Курган. Если она успеет до рассвета.

Но успеет ли? Эта тварь двигалась быстро, она не вязла в листве и не боялась дождя. Она вообще была ничем, пустотой в форме человека. Как с ней бороться? Чем стрелять?

Ядвига остановилась под огромным дубом, чтобы перевести дух. Ствол дуба был в два обхвата, корни уходили глубоко-

ко в землю, а в кроне, высоко-высоко, что-то шуршало.

– Эй, – крикнула она наверх. – Страх, ты тут?

Тишина. Только дождь и ветер.

– Я знаю, что ты тут. Выходи, дело есть.

Сначала ничего не происходило. Потом с ветки, прямо над головой, капнуло что-то тёмное и липкое. Ядвига отшатнулась, но это была не смола. Это была тень. Она стекала с ветки, собиралась в лужицу у корней и вдруг взметнулась вверх, приняв очертания огромной фигуры с пастью, полной игл.

– Здравствуй, Ядвига, – прошелестел Страх голосом, похожим на скрип старой двери. – Давно ты ко мне не заходила. Соскучилась?

– Не до сантиментов, – отрезала ведьма. – Мне нужна информация. Кто та тварь, что идёт к Кургану?

Страх засмеялся – звук был такой, будто кто-то скребёт ногтями по стеклу.

– А ты не знаешь? Сама должна знать. Это же твоя подруга, твоя вина, твоя...

– Цыц! – рявкнула Ядвига. – Не твоё дело, что моё. Говори, что знаешь, или я тебя сглажу так, что ты сам своих игл испугаешься.

Страх наклонился ниже, и его пасть оказалась прямо перед лицом Ядвиги. Пахло от него затхлостью и старыми снами.

– Ладно, старая, – прошептал он. – Скажу. Это Зеркаль-

ный Морок. Тот, кого вы с Аглаей заточили пятьдесят лет назад. Только вы его не убили, а просто закрыли в зеркале. А зеркало разбилось. И теперь он вышел и хочет отомстить. Ему нужна ты. И правда о том, что случилось тогда. Он идёт к Кургану, чтобы уничтожить дневник Аглаи, единственное доказательство.

Ядвига похолодела. Дневник? Аглая вела дневник? Она ничего об этом не знала.

– Где дневник?

– В Кургане, – оскалился Страх. – Но ты не успеешь. Морок уже близко. Он быстрее тебя.

– Посмотрим, – буркнула Ядвига и, не прощаясь, рванула дальше.

Страх проводил её взглядом, полным игольчатой тоски. Ему было жаль эту старуху. Но ещё больше ему было жаль себя – ведь если Морок уничтожит Заповедник, Страху тоже негде будет жить. Нечем будет питаться.

Он вздохнул и растворился в ветвях, оставив после себя только мокрую кору и запах палёных снов.

А Ядвига бежала, спотыкаясь о корни, и в голове у неё стучало: «Дневник, дневник, дневник». Значит, Аглая что-то знала. Что-то, из-за чего её убили. И это «что-то» связано с Мороком. И с Кошечем? С тем старым хрычом, который теперь по Tinder-у лазает?

Ладно, разберёмся. Сначала – добраться до Кургана раньше этой твари.

Она выскочила на опушку и замерла. Перед ней расстилась Топь Тоски. Болото дышало сыростью и тоской. В темноте кочки казались спинами утопленников, а редкие огоньки – блуждающими душами. Где-то там, в глубине, лежал леший – тот самый, который исчез первым.

Ядвига достала амулет безразличия – старую монетку, которую носила на шее. Сжала в кулаке и шагнула в топь.

Вода тут же начала нашёптывать: «Ты виновата, ты не спасла, ты старая и никому не нужная...»

– Заткнитесь, – прошипела Ядвига. – Я это слышала уже сто раз. Лучше скажите, где тут клюква растёт?

Топь обиженно зачавкала и замолчала. А Ядвига пошла дальше, высоко поднимая ноги и стараясь не думать о том, что осталось позади. Впереди был Курган. Впереди была правда. И она должна была её узнать, даже если эта правда убьёт её окончательно.

Но сначала – клюква. Она действительно понадобится для тонуса.

Час спустя, вся в тине и с полной корзиной клюквы, Ядвига выбралась на другой берег Топи. Впереди шумела река Самозабвения. Вода в ней была чёрная, как дёготь, и в лунном свете не отражала ничего.

Ядвига привязала верёвку к поясу, второй конец обмотала вокруг коряги и осторожно вошла в воду. Холод обжёт ноги,

но она терпела. Главное – не смотреть в воду, не вспоминать, не думать. Иначе река сожрёт память.

На середине реки она почувствовала, что кто-то тянет за ногу. Глянула вниз – из чёрной глубины таращились белые глаза утопленника.

– Чего тебе? – спросила она раздражённо.

– Ты меня помнишь? – прошелестел утопленник. – Я Иван, кузнец из соседней деревни. Утонул тут лет сто назад.

– Не помню, – честно сказала Ядвига. – И тебе не советую. Плыви дальше.

Утопленник обиженно булькнул и исчез. Ядвига перевела дух и зашагала дальше. Когда она выбралась на берег, ноги её не слушались от холода, но впереди уже виднелся Курган. Тёмный холм, поросший мхом и кривыми деревьями. А у подножия что-то шевелилось.

Ядвига прищурилась. Мотыльки. Тысячи серых мотыльков, которые кружились над землёй, складываясь в фигуру. Морок уже здесь.

Она выхватила «Сглаз», взвела курок и пошла вперёд, не скрываясь.

– Эй, – крикнула она. – Тварь! Иди сюда, разговор есть!

Мотыльки замерли, а потом начали собираться в один большой рой, из которого проступил силуэт человека. Прозрачного, как старое стекло, с глазами-экранами, на которых мелькали кадры.

– Ядвига, – произнёс Морок голосом, в котором смеша-

лись сотни голосов. – Наконец-то. Я ждал тебя.

– А я тебя нет, – огрызнулась ведьма. – Отойди от Кургана, или я стреляю.

Морок рассмеялся. Смех был похож на треск киноплёнки.

– Ты не выстрелишь, Ядвига. Ты хочешь знать правду. Правду о том, как погибла Аглая. Я покажу тебе. Заходи.

Он сделал приглашающий жест, и мотыльки расступились, открывая проход к Кургану.

Ядвига колебалась лишь секунду. А потом шагнула внутрь.

Мотыльки сомкнулись за её спиной, и ночь поглотила ведьму целиком.

Где-то далеко, в избе на курьих ножках, Кот Прохор вздрогнул во сне и замяукал. Ему снилось, что хозяйка стоит на краю огромной чёрной ямы, а из ямы тянется к ней рука, сотканная из мотыльков.

– Ядвига! – крикнул он во сне, но проснуться не мог.

А Избушка скрипела и переступала с ноги на ногу, пытается унять дрожь. Ей тоже было страшно. Но она верила в свою хозяйку. Ядвига Карловна всегда возвращалась. Даже из самых безнадежных передраг.

Только вот из этой... из этой ещё никто не возвращался.

За окном занимался серый, осенний рассвет. А золотое яйцо под лавкой всё ещё светилось, и в его глубине, среди мотыльков и старой плёнки, мелькнуло на мгновение лицо Аглаи. Молодое, красивое, с хитринкой в глазах. Оно улыб-

нулось и прошептало:

– Держись, подруга. Я с тобой.

Но Ядвига этого уже не слышала. Она спускалась в Курган, в самое сердце тьмы, чтобы встретиться лицом к лицу с прошлым, которое пятьдесят лет не давало ей покоя.

И только ветер выл над лесом, разнося весть: ведьма снова в деле. И на этот раз ставки выше, чем когда-либо.

ГЛАВА 1: «Курочка Ряба и Тайна Золотого Желтка»

Рассвет в Заповеднике Сказочный Лес наступил внезапно, как прыжок лешего из-за куста. Ещё минуту назад было темно и сыро, а теперь сквозь туман пробились первые лучи солнца, окрасив верхушки сосен в ржаво-золотистый цвет. Туман стелился по земле густыми змеями, обвивал стволы, заползал в низины и там застывал молочными озёрами. Холодный воздух пах прелой листвой, грибами и ещё чем-то неуловимо тревожным – так пахнет за час до грозы, когда небо ещё чистое, но птицы уже замолчали.

Ядвига Карловна Громова проснулась затемно. Не потому, что выспалась – с её трёхсотлетним стажем она вообще спала урывками, как старая кошка, – а потому, что проклятый радикулит разыгрался не на шутку. Всю ночь крутило поясницу, и под утро ведьма сдалась, сползла с печи и, кряхтя, натянула валенки. Печь обиженно гудела – мол, я тут стараюсь, тепло вырабатываю, а ты на меня даже не взглянешь.

– Изольда Андреевна, – позвала Ядвига хриплым со сна голосом, – ты не знаешь, где мой пояс из шерсти барсука?

Изба скрипнула половицей в прихожей – мол, в чулане, где ж ему ещё быть. Ядвига побрела в чулан, по пути зацепившись за ведро, которое звякнуло так, будто её ругало.

В чулане пахло мышами и сушёными травами. Пояс нашёлся на гвозде, рядом с веником, которым обычно выметали нечисть из углов (нечисть, кстати, обижалась и потом прятала веник).

Обмотав поясицу, Ядвига вышла на крыльцо. Лес встретил её тишиной. Слишком тихо для утра. Даже дятлы не стучали, даже сойки не переругивались. Туман глушил все звуки, и от этого становилось не по себе.

– Ну и погодка, – проворчала ведьма. – Хоть топись.

Избушка под ней согласно переступила с ноги на ногу – мол, сырость моим суставам вредна. Ядвига машинально почесала её за наличник, и Изольда Андреевна довольно заскрипела.

Первым делом нужно было подоить козу. Козу звали Медуза Горгоновна (потому что взгляд у неё был тот ещё, хоть и не каменный), и характером она обладала прескверным. Каждое утро одно и то же: Ядвига идёт в хлев с подойником, а коза уже стоит в боевой стойке, рога наклонены, копытами землю роет.

– Доброе утро, Медуза, – ласково сказала Ядвига, открывая дверь.

Коза ответила нечленораздельным звуком, средним между бляением и ругательством, и с ходу боднула ведро. Ведро отлетело в угол.

– Цыц, рогатая! – прикрикнула ведьма. – Я тебя сейчас заговорю, будешь у меня молоко давать со скидкой!

Коза обиженно затрясла бородой и что-то проблеяла на древнегреческом – она в молодости паслась у философов и нахваталась выражений. Ядвига не понимала языка, но интонации были ясны: коза посылала её подальше, желала долгих лет жизни и советовала заняться самообразованием.

– Ладно, договоримся, – вздохнула Ядвига и достала из кармана сухарь, припасённый специально для таких случаев. – На, подавись.

Коза сухарь взяла, но боднуть всё-таки успела – для порядка. Ядвига, ругаясь сквозь зубы, пристроилась с подойником и принялась доить. Молоко полилось тёплое, пенное, с легким оттенком чеснока – коза наелась какой-то дряни на выпасе.

– Опять в огород к Лешему лазила? – спросила Ядвига. – Я же говорила: его чеснок не ешь, он магический, у тебя молоко неделю пахнуть будет.

Коза согласно мекнула – мол, знаю, но вкусно же.

С подойником, полным молока, Ядвига вернулась в избу. Прохор всё ещё дрых на полатах, развалившись звёздочкой и периодически подёргивая лапами – видимо, во сне ловил мышей. Рыжая шерсть торчала во все стороны, усы обвисли.

– Подъём, сонное царство! – гаркнула Ядвига. – Уже полдня прошло!

Кот приоткрыл один глаз, оценил обстановку и закрыл обратно.

– Не мешай, – промурлыкал он. – Я тут важную сказку

досматриваю. Про то, как Иван-дурак в казино проигрался.

– В казино? – удивилась ведьма. – Откуда в сказках казино?

– А это современная интерпретация, – зевнул Кот. – Иван теперь не за жар-птицей ходит, а кредиты берёт. Мораль: не бери, если отдать не сможешь.

Ядвига только рукой махнула. С Прохором бесполезно спорить – он всегда найдёт, что ответить. Лучше заняться делом.

Она поставила молоко в погреб, проверила заслонку в печи, подбросила дров и только собралась завтракать, как вдруг вспомнила: Курочка Ряба. Вчера та была какая-то нервная, всё кудахтала без повода, перья теряла. А сегодня утром Ядвига её ещё не видела.

– Пойду проведу птицу, – сказала она коту. – А ты вставай давай, мне помощь нужна.

Кот нехотя сполз с полатей, потянулся так, что хрустнуло, и поплёлся за хозяйкой.

Курятник стоял за избой, притулившись к старому пню. Это было добротное сооружение из досок, с крышей, покрытой корой, и с маленьким окошком под самым коньком. Ядвига строил его собственноручно лет пятьдесят назад, и куры были довольны – тепло, сухо, и лиса не достанет, потому что курятник стоял на курьих ножках (маленьких, но тоже ногах) и при опасности мог подпрыгнуть.

Внутри пахло пером и помётом. Обычные серые куры уже

проснулись, копошились в соломе, изредка переговариваясь тихим кудахтаньем. А вот Ряба сидела в углу, зарывшись головой в сено, и только хвост торчал наружу. Хвост подрагивал.

– Ряба, – позвала Ядвига. – Ты чего?

Курица не ответила. Тогда ведьма подошла ближе, присела на корточки и осторожно потянула за хвост. Ряба дёрнулась, забилась, но головы не подняла.

– Да что с тобой? – Ядвига нахмурилась. – Заболела? Или съела чего?

Из-под сена донёлся приглушённый всхлип.

– Ядвига Карловна, – прошептала курица (а она умела разговаривать, когда хотела, хоть и с акцентом). – Там... там это... страшно...

– Что страшно?

Ряба высунула голову. Глаза у неё были красные, перепуганные, гребешок обвис.

– Ночью... ко мне приходили... – зашептала она. – Во сне приходили! Я спала, и вдруг... стоит надо мной кто-то. Весь такой... пустой. И говорит: «Снеси, говорит, яйцо, не простое, а золотое». А я не хочу! А он как посмотрит... я и снесла. Прямо во сне!

Ядвига переглянулась с котом. Прохор наострил уши.

– Во сне, говоришь? – переспросила ведьма. – И что за яйцо? Где оно?

Ряба мотнула головой в сторону гнезда. Там, среди соло-

мы, лежало золотое яйцо. Обычное куриное яйцо, только золотое. Оно тускло поблёскивало в утреннем свете, и от него веяло холодом.

Ядвига осторожно взяла яйцо в руки. Тяжёлое. На скорлупе, если присмотреться, проступали едва заметные узоры – руны, древние, почти стёртые. Такие она видела в архивах Ведомства. Очень плохие руны.

– Прохор, – сказала она тихо. – Чуешь?

Кот подошёл, обнюхал яйцо, чихнул и отшатнулся.

– Чую. Это не наш мир. Это оттуда, где сны становятся явью. Плохое яйцо, бабуля. Разбить бы его, да кто знает, что вылупится.

– Разбивать пока не будем, – решила Ядвига. – Сначала надо понять, кто и зачем это подкинул. Ряба, рассказывай подробно. Как он выглядел? Что говорил?

Курица снова зарылась в сено, но Ядвига вытащила её за шкуру.

– Не прячься, рассказывай. Я же тебя не съем.

– А кто тебя знает, – всхлипнула Ряба. – Вы, ведьмы, всякие бываете. Вон, в соседнем лесу Баба-Карга вообще кур жареными любит.

– Я не Карга, – отрезала Ядвига. – Я Громова, следовательно ВМБ в отставке. Мне## нужна, а не жаркое. Говори.

Ряба немного успокоилась, отряхнулась и начала:

– Он... как туман. Не разглядеть. Только глаза... нет, не глаза, а дыры. И голос такой, будто пластинку старую крутят.

Велел яйцо снести и сказал: «Передай Ядвига: старые долги пора отдавать». И ещё... – курица замялась. – Ещё он сказал: «Аглая шлёт привет».

Ядвига замерла. Аглая. Это имя она не слышала пятьдесят лет. С тех пор, как...

– Врёшь, – выдохнула она. – Не мог он этого сказать.

– Ей-богу, не вру! – закудаhtала Ряба. – Чтоб мне больше зерна не видать! Чтоб мне в суп попасть!

Кот Прохор осторожно тронул хозяйку лапой.

– Ядвига, ты чего? Побледнела вся. Кто такая Аглая?

– Никто, – отрезала ведьма. – Бывшая напарница. Давно умерла.

Она положила яйцо на солому и вышла из курятника. Надо было подумать. Аглая не могла прислать привет. Аглая погибла у неё на глазах. Если только...

В голове завертелись старые, давно похороненные мысли. То задание. Взрыв в Лесном Департаменте. Аглая, которая вдруг оказалась в эпицентре. Ядвига, которая не успела. И после – ссылка в глушь, забвение, тихая жизнь пенсионерки. А теперь это яйцо. И слова про старые долги.

– Прохор, – позвала она. – Иди сюда, разговор есть.

Кот подошёл, сел рядом, обернув пушистый хвост вокруг лап.

– Слушай сюда. Надо провести расследование. Кто-то проник в курятник не через дверь, а через сон Рябы. Это высший пилотаж, такое только сильные маги умеют. У меня

есть пыльца Лунного цветка, она показывает следы астральных вторжений. Возьмём пробу.

– А я что делать должен? – спросил Кот.

– А ты переводить будешь. Ряба кудахчет сбивчиво, а мне нужны точные показания. Ты у нас специалист по птичьему языку.

Проخور гордо вскинул голову:

– Ещё бы! Я, между прочим, дипломную работу писал по теме «Лингвистические особенности куриного говора в сравнении с утиным».

– Да ну? – удивилась Ядвига. – Где ж ты учился?

– В кошачьей академии при Дубе Мертвящем, – важно ответил Кот. – Заочно. Диплом мне мыши приносили.

– Ладно, шарлатан, – усмехнулась ведьма. – Пошли работать.

Она вернулась в избу, достала из сундука маленькую баночку с серебристой пылью. Лунный цветок цвёл только в полнолуние на поляне, куда даже лешие боялись ходить. Ядвига специально его собирала – для криминалистических нужд. Пыльца реагировала на магические следы, оставленные в тонких мирах.

В курятнике она осторожно обсыпала гнездо Рябы. Пыльца засветилась бледно-голубым, и на соломе начали проступать отпечатки. Не следы ног, а нечто иное – разводы, похожие на застывший туман, и в центре – чёткий оттиск чьей-то фигуры. Фигура была бесформенной, как будто человек,

сделанный из дыма.

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотала Ядвига, склоняясь. – След астрального тела. Кто-то действительно входил в сон. Сильный маг, очень сильный. Или не маг, а нечто похуже.

Она достала лупу (магическую, с тройным увеличением) и принялась изучать отпечатки. Пыльца переливалась, показывая энергетические вибрации. Чем дольше Ядвига смотрела, тем мрачнее становилось её лицо.

– Прохор, – позвала она. – Глянь-ка. Эти следы... они пульсируют в ритме старой киноплёнки. 24 кадра в секунду. Ты понимаешь, что это значит?

Кот подошёл, понюхал, чихнул.

– Понял. Это значит, что наш гость – не живой и не мёртвый. Он – запись. Какая-то сущность из старого кино.

– Или из снов, которые превратились в плёнку, – добавила Ядвига. – Ряба говорила, голос был как на старой пластинке. Значит, это не просто маг, а нечто, связанное с воспоминаниями, с записью реальности.

Она выпрямилась, хрустнув коленями.

– Ладно, с этим потом. Теперь допрос свидетельницы.

Рябу вытащили из угла и усадили на насест. Прохор сел напротив, приняв важный вид переводчика.

– Спрашивай, – кивнул он Ядвиге.

– Ряба, ты говоришь, он во сне пришёл. А ты видела, как он выглядел? Хоть что-то, кроме тумана?

Курица задумалась, склонив голову набок.

– Ну... как будто внутри него что-то крутилось. Как кино. Какие-то люди, дома, лес... и всё чёрно-белое. И ещё... – она запнулась. – Мне показалось, что в этом кино была женщина. Молодая, красивая. Она смотрела на меня и... плакала. Но не слезами, а... кадрами. Из глаз текли картинки.

Ядвига похолодела. Женщина в чёрно-белом кино. Аглая. Неужели?

– Что за женщина? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Опиши.

– Тёмные волосы, длинные, глаза большие, одета в странное – не по-нашему, как в старых фильмах. И на руке браслет с тремя камнями.

Ядвига стиснула зубы. Это была Аглая. Тот самый браслет она носила всегда. Подарок от бабушки-ведуньи.

– Что она делала?

– Плакала и... и махала рукой. Как будто прощалась. Или звала кого-то. А потом этот... туман... он закрыл её, и она исчезла.

Кот перевёл взгляд с курицы на хозяйку.

– Ядвига, ты знаешь эту женщину?

– Знала, – глухо ответила ведьма. – Это моя напарница. Погибла пятьдесят лет назад.

В курятнике повисла тишина. Даже куры перестали копошиться, притихли. Ряба испуганно заморгала.

– Так она... не погибла? – пискнула курица. – Или погибла, но вернулась?

– Не знаю, – честно сказала Ядвига. – Но то, что ты видела... это не просто сон. Это послание. Кто-то использует твои сны, чтобы передать мне информацию. Вопрос – кто и зачем?

Она спрятала баночку с пылью в карман и вышла на улицу. Лес уже почти освободился от тумана, солнце поднялось выше, но в воздухе всё равно чувствовалась тревога. Птицы молчали, даже ветер стих.

– Надо идти в архив, – решила Ядвига. – Там у меня старые дела, может, найду что-то про астральные вторжения через сны.

– В архив? – удивился Прохор. – Ты же говорила, что архив сгорел лет тридцать назад.

– Сгорел основной. А у меня свой, личный, в подполе. Не официальный, конечно, но кое-что сохранилось.

Она вернулась в избу, отодвинула тяжёлый половик в углу и открыла люк в подпол. Оттуда пахло сыростью и старой бумагой. Ядвига зажгла свечу и полезла вниз. Прохор остался наверху – он подпол не любил, там мыши пахли как-то неправильно, архивно.

Внизу стояли стеллажи с папками. Ядвига подошла к разделу «Неопознанные магические сущности» и начала искать. Через полчаса она нашла пыльную папку с надписью «Морок. Зеркальный». Внутри лежали старые отчёты, фотографии и личный дневник Аглаи – тот самый, что она считала давно утерянным.

Ядвига раскрыла дневник. Почерк Аглаи, мелкий, торопливый. Записи датированы пятьюдесятью годами назад. Последняя страница:

«Мы напали на след. Это не просто нечисть, это нечто извне. Оно приходит во снах, питается страхами, но само боится зеркал. Назвали его Зеркальный Морок. Сегодня ночью оно явилось ко мне. Сказало, что знает тайну Ведомства. Что кто-то из наших продаёт души. Я должна рассказать Ядвиге, но боюсь подставлять её. Лучше оставлю записи здесь. Если со мной что-то случится – пусть она найдёт это. И пусть помнит: я её не виню. Ни в чём».

Дальше шли какие-то символы, схемы, но Ядвига уже не читала. Она сидела на корточках в подполе, сжимая дневник дрожащими руками. Аглая знала. Знала про Морока, про продажных чиновников. И погибла из-за этого. А Ядвигу просто убрали подальше, сослали в глушь, чтобы молчала.

– Вот ты как, – прошептала она. – Значит, я всё это время носила не свою вину, а чужую подлость.

Из глаз потекли слёзы. Злые, горькие, старые. Она не плакала пятьдесят лет, а теперь слёзы сами катились по морщинистым щекам, капали на пыльные страницы.

– Ядвига! – донеслось сверху. – Ты там жива? – орал Кот.
– Жива, – ответила она, вытирая лицо рукавом. – Сейчас вылезу.

Она сунула дневник за пазуху, поднялась наверх. Прохор смотрел на неё встревоженно.

– Ты чего? Плакала?

– Нет, пыль в глаза попала, – буркнула ведьма. – Слушай, Прохор. Дело серьёзное. Мне нужно идти.

– Куда?

– К Кургану Забытой Правды. Там, по словам Аглаи, хранится доказательство. И ещё... мне кажется, что этот Морок – не просто враг. Он связан с Аглаей. Может, даже она сама, только ставшая тенью.

– Ты бредишь, – сказал Кот. – Мёртвые не возвращаются.

– В нашем мире возвращаются, и ещё как, – отрезала Ядвига. – Я иду. А ты остаёшься за главного. Присмотри за избой, за Рябой. И если через три дня не вернусь... тогда Гоголь пусть приходит.

– Какой Гоголь? – не понял Кот.

– Инспектор из Гоголевского управления. Если я не справлюсь, он всех нас спишет. В прямом смысле.

Прохор побледнел (насколько может побледнеть рыжий кот).

– А может, не надо? Может, мы просто спрячемся?

– Не выйдет. От него не спрячешься. Он сам тебя найдёт и опишет. И поминай как звали.

Кот судорожно сглотнул и замолчал.

Ядвига достала из сундука рюкзак. Сложила туда «Сглаз-12», запасные обоймы, верёвку, фонарик (обычный, магический разрядился ещё в прошлом году), несколько банок с тушёнкой, спички, нож и, подумав, сунула вязание.

Нервы успокаивать.

– А это зачем? – спросил Кот, косясь на клубок шерсти.

– Вязать буду, если припрёт. Или удавку свяжу, – огрызнулась Ядвига. – Не твоего ума дело.

Она закинула рюкзак на плечи, накинула плащ-невидимку (левый бок не скрывал, ну и ладно), проверила, на месте ли амулет безразличия, и вышла на крыльцо.

Лес стоял тихий, настороженный. Где-то далеко ухнула сова – хотя совы днём не ухают. Значит, не сова. Значит, кто-то подаёт знак.

– Изольда Андреевна, – позвала Ядвига. – Отвезёшь меня до Топи Тоски?

Изба скрипнула в ответ – мол, не хочу, ноги болят, да и вообще ты меня забросила, не чешешь, не красишь, только и знаешь, что дыры в крыше латать.

– Не капризничай, – строго сказала Ядвига. – Дело важное. От того, как быстро я доберусь, зависит, будем мы жить или нет.

Изба задумалась. Скрипела, перебирала ногами, вздыхала ставнями. Наконец выдала серию скрипов, которые можно было перевести как: «А что мне за это будет?»

– Покрашу наличники в розовый, – пообещала Ядвига. – И ставни тоже.

Изольда Андреевна довольно хрюкнула и присела, чтобы хозяйке удобнее было забраться внутрь. Ядвига влезла в дверь, устроилась на лавке у окна.

– Трогай, – скомандовала она. – Курс на Топь Тоски. И поживее, пожалуйста.

Изба крякнула, подпрыгнула и, ломая кусты, побежала вглубь леса. Куриные ноги мелькали, поднимая тучи листвы. Задние окна дребезжали, труба дымила, но в целом полёт проходил нормально.

Ядвига высунулась в окно. Лес проносился мимо – сосны, ели, берёзы, какие-то поляны с грибами, стадо оленей, которые шарахнулись в сторону. Через полчаса впереди показалась Топь Тоски. Изба остановилась на краю, не решаясь ступить в болото.

– Дальше я сама, – сказала Ядвига, вылезая. – Жди здесь. Если через три дня не вернусь... ну, ты знаешь.

Изба скрипнула – мол, знаю, но лучше возвращайся, розовая краска мне к лицу.

Ядвига поправила рюкзак, сжала в кулаке амулет безразличия и шагнула в топь. Ноги сразу увязли по щиколотку в холодной жиже. Болото вздохнуло, зачмокало, и отовсюду потянулись голоса:

– Ядвига... помнишь, как ты не успела? Как Аглая кричала? А ты стояла и смотрела...

– Заткнитесь, – прошипела ведьма. – Я это слышала сто раз.

– А помнишь, как тебя сослали? Как все от тебя отвернулись? Ты никому не нужна, старуха...

– Сказала – заткнитесь! – рывкнула Ядвига, выдёргивая

ноги из трясины. – Клюква тут где?

Болото обиженно заворчал, но указало путь. Ядвига пошла по кочкам, стараясь не слушать нашёптывания. Амулет безразличия помогал, но не полностью – слишком глубоко сидели старые раны. Она думала о дневнике, об Аглае, о том, что пятьдесят лет носила вину, которая оказалась чужой. Злость придавала сил.

Через час, вся в тине и с корзиной клюквы, она выбралась на другой берег. Впереди шумела река Самозабвения. Чёрная вода не отражала ничего. Ядвига привязала верёвку к поясу, второй конец обмотала вокруг коряги и шагнула в воду.

Холод обжёг ноги, поднялся выше, до пояса, до груди. Она плыла, стараясь не смотреть в воду, не думать, не вспоминать. Но река сама лезла в голову, выуживала воспоминания. Вот она молодая, только поступила в ВМБ. Вот первое задание, первая победа. Вот Аглая, смеющаяся, с браслетом на руке. Вот взрыв...

– Не отвлекайся! – приказала себе Ядвига.

Она вылезла на берег, мокрая, замёрзшая, но живая. Впереди, за редким лесом, уже виднелся Курган – тёмный холм, поросший мхом. А у подножия что-то шевелилось. Тысячи серых мотыльков кружились в воздухе, складываясь в фигуру.

Ядвига выхватила «Сглаз» и пошла вперёд.

– Эй! – крикнула она. – Тварь! Выходи, разговор есть!

Мотыльки замерли, а потом расступились, открывая проход. Внутри стоял Морок – пустота в форме человека.

– Ядвига, – произнёс он голосом, в котором слышались сотни голосов. – Наконец-то. Я ждал тебя.

– А я тебя нет, – огрызнулась ведьма. – Отойди от Кургана, или я стреляю.

Морок рассмеялся. Смех был похож на треск киноплёнки.

– Ты не выстрелишь, Ядвига. Ты хочешь знать правду. Правду о том, как погибла Аглая. Я покажу тебе. Заходи.

Ядвига колебалась лишь секунду. А потом шагнула внутрь.

Мотыльки сомкнулись за её спиной, и ночь поглотила ведьму целиком.

А далеко-далеко, в избе на курьих ножках, Кот Прохор вздрогнул во сне и замяукал. Ему снилось, что хозяйка стоит на краю огромной чёрной ямы, а из ямы тянется к ней рука, сотканная из мотыльков.

– Ядвига! – крикнул он во сне, но проснуться не мог.

Избушка скрипела и переступала с ноги на ногу, пытаясь унять дрожь. Ей тоже было страшно. Но она верила в свою хозяйку. Ядвига Карловна всегда возвращалась. Даже из самых безнадёжных передраг.

Только вот из этой... из этой ещё никто не возвращался.

ГЛАВА 2: «Топь Тоски: Место, где плачут даже черти»

Полдень в Заповеднике Сказочный Лес – понятие относительное. Солнце вроде бы стоит высоко, но сквозь густые кроны вековых сосен и елей пробиваются лишь редкие, болезненно-желтые лучи, которые не греют, а только освещают, да и то с неохотой. Воздух здесь, на границе Топи Тоски, казался густым, как старый кисель, и пах так, будто кто-то открыл погреб с прошлогодними огурцами и забытыми обидами.

Избушка Изольда Андреевна остановилась как вкопанная – резко, даже куриные ноги взметнули комья мха. Дальше она ступать отказалась наотрез. Её передняя правая нога нервно подрагивала, указывая в сторону болота, а ставни захлопнулись с громким стуком, что на языке изб означало категорическое: «Ни за что! Хоть режь, хоть крась в розовый, хоть замуж выдавай – не пойду!»

– Ну что ещё? – Ядвига свесилась из окошка, вытирая пот со лба. В избе было душновато, печка топилась по-чёрному, и дым немного ел глаза. – Изольда Андреевна, мы ж договорились: ты везёшь меня до Топи, а я тебя крашу.

Изда жалобно скрипнула и показала ногой на болото. Куриный палец (а у изб действительно были пальцы, хоть и

с огромными когтями) указывал на табличку, вкопанную в землю. Табличка была старая, трухлявая, с выцветшей надписью:

«Топь Тоски. Министерство Магической Безопасности предупреждает: вход без амулета безразличия и сменных портков – себе дороже. Администрация ответственности за утонувшие в печали души не несёт».

Ниже кто-то приписал кривыми буквами: «Леший, вернись! Мы всё простим! Особенно твою жену».

– Ладно, – вздохнула Ядвига, спрыгивая на землю. – Сама пойду. А ты жди здесь. И не вздумай уйти с этим... – она покрутила рукой в воздухе, – с этим твоим куриным артритом к лешему на чай. Я знаю, вы сплетничаете.

Изба довольно скрипнула – мол, ладно, так и быть, постою, подремлю на солнышке. Но если через три дня не вернёшься, я за тобой не пойду, я домой уйду, к Бабе-Карге, она меня хоть уважает.

– У Карги крыша дырявая, – отрезала Ядвига. – И печка не топит. Так что сиди уж.

Она поправила рюкзак, проверила, на месте ли «Сглаз-12» и, сжав в кулаке амулет безразличия – старую заговорённую монетку с профилем какого-то царя, – шагнула в топь.

Первый шаг – нога ушла по щиколотку в ледяную жижу. Второй – по колено. Третий – Ядвига поняла, что нужно прыгать по кочкам, иначе увязнешь в воспоминаниях по самую

макушку.

Кочки здесь были не простые. Каждая – чья-то зарытая мечта, несбывшаяся надежда или забытый талант. Вон та, поросшая рыжим мхом – наверняка бывшего художника, который хотел рисовать, но пошёл в чиновники. А вон та, с тремя берёзками – видимо, чья-то мечта о большой любви, которая так и не сбылась, потому что объект любви предпочёл козу (в Заповеднике и такое бывало).

Ядвига прыгала с кочки на кочку, стараясь не задерживаться. Но болото не отпускало. Оно дышало, чавкало, вздыхало и говорило. Говорило голосами.

– Ядвига-а-а... – тянуло откуда-то слева. – Помнишь, как ты опоздала на экзамен в Ведомство? Чуть не выгнали...

– Это было триста лет назад, – огрызнулась ведьма, перепрыгивая на следующую кочку. – Я сдала потом, и с отличием.

– А помнишь, как ты провалила первое задание? Тебя хотели отправить в простые дворники, метлой махать...

– Было, – согласилась Ядвига. – Ну и что? Я потом десять лет лучшим следователем была.

– А Аглаю не спасла...

Вот тут ведьма споткнулась, едва не свалившись в трясину. Нога соскользнула с кочки, ледяная вода хлынула в валенок. Ядвига выругалась сквозь зубы (цензурно, но с чувством) и ухватилась за чахлую берёзку, росшую на соседней кочке.

– Аглая – не твоё дело, – прошипела она в пустоту. – И вообще, я сюда за клюквой пришла, а не за душевными терзаниями. Клюква где?

Болото обиженно заворчало. Оно не любило, когда ему перечили. Оно привыкло, что все, кто сюда заходят, быстро раскисают, начинают рыдать, вспоминать все свои ошибки и в конце концов тонут в собственных слезах. А эта старая ведьма была какой-то неправильной. Вместо того чтобы плакать, она требовала клюкву.

– Вон там, – нехотя указала ближайшая кочка, шевельнув мхом. – За той грядкой, где Пиявки Памяти водятся. Но туда лучше не ходить, если жить надоело.

– Я и так живу триста лет, – отмахнулась Ядвига. – Надоело уже, но привыкла. Ладно, спасибо за наводку.

Она двинулась дальше, теперь уже осторожнее, стараясь не слушать нашёптывания. Но болото не сдавалось. Оно меняло тактику.

– Ядвига, – запело оно вдруг ласково, почти нежно. – А помнишь, как ты была молодой? Красивой? Как за тобой лешие ухлёстывали, водяные серенады пели?

– Помню, – буркнула ведьма. – Один леший такой ухажёр попался, что до сих пор его рога в чулане лежат. На память.

– А теперь ты старая, морщинистая, никому не нужная... – продолжало болото. – Сидишь в своей избе, только с котом разговариваешь. Даже в зеркало смотреть страшно – вдруг треснет от ужаса?

Ядвига остановилась. Она стояла на кочке, заросшей жёлтым мхом, и смотрела в тёмную воду у своих ног. Вода была чёрная, как дёготь, но в глубине что-то поблёскивало. Отражение? Нет, не отражение. Там, под водой, мелькали картинки. Вот она, молодая, в форме ВМБ, смеётся вместе с Аглаей. Вот они пьют самогон с водяными, и Аглая рассказывает анекдот про Кощея. Вот они на задании, бегут по крышам, ловят какого-то оборотня.

Картинки были прекрасными. И от них хотелось плакать.

– Не поддавайся, – приказала себе Ядвига. – Это всё иллюзии, это болото тобой питается.

Она сжала амулет безразличия так сильно, что монетка впилась в ладонь. Холод металла отрезвил. Ядвига тряхнула головой и пошла дальше, высоко поднимая ноги, стараясь не смотреть в воду.

Вокруг, на других кочках, тоже кто-то был. Вернее, не кто-то, а то, что от них осталось. Ядвига заметила знакомую фигуру – корявая, скрюченная, с остатками бороды. Леший. Тот самый, который исчез первым. Он сидел на кочке, поджав ноги, и смотрел в пустоту. Но он был... странный. Не живой и не мёртвый. Он выцвел. Совсем. Стал чёрно-белым, как старая фотография, как кадры из того яйца. Даже мох на его шапке был серым.

– Эй, – позвала Ядвига. – Леший! Ты как?

Леший медленно повернул голову. Глаза у него были белые, без зрачков, и в них ничего не отражалось.

– Я... не помню, – прошелестел он голосом, похожим на шорох сухих листьев. – Кто я? Зачем я здесь?

– Ты леший, – сказала Ядвига, подходя ближе. – Из Заповедника. Ты пропал неделю назад. Что с тобой случилось?

– Неделю? – Леший попытался почесать бороду, но рука прошла сквозь неё, как сквозь туман. – Я... не помню. Был кто-то. Свет? Нет, тьма. Или пустота. Оно пришло и... высосало. Краски. Звуки. Запахи. Всё.

– Морок, – поняла Ядвига. – Зеркальный Морок. Он и до тебя добрался.

– Морок? – Леший попытался улыбнуться, но вышло жутко – серая кожа натянулась, обнажив чёрные дёсны. – Красивое имя. А у меня теперь нет имени. Я просто... пятно. Пятно на кочке.

Он замолчал и уставился в воду. Ядвига поняла, что разговаривать бесполезно – леший уже не здесь, он остался где-то там, между кадрами старой плёнки. Она перекрестила его по-ведьмовски (три раза плюнула через левое плечо и щёлкнула пальцами) и пошла дальше.

Кочки становились всё более странными. На одной сидел скелет в форме чиновника ВМБ и точил карандаш, хотя карандаша у него не было. На другой парила шляпа-цилиндр, из которой доносился смех – истеричный, залиvistый, постепенно переходящий в рыдания. На третьей росло дерево, всё увешанное фотографиями – лица, лица, лица, и все смотрели на Ядвигу с укором.

– Хватит, – сказала она вслух. – Я не собираюсь тут тонуть. Мне нужно к Кургану. И клюква нужна. Где тут у вас клюква?

Болото вздохнуло, поняв, что эту старуху не проймёшь. Оно указало тропинкой – узкой полоской относительно твёрдой земли, которая вилась между кочек к небольшой возвышенности, поросшей ярко-красными ягодами.

– Ага, – обрадовалась Ядвига. – То, что надо.

Она уже собралась двинуться к клюкве, как вдруг воздух вокруг неё загустел, потемнел, и отовсюду, из воды, из мха, из воздуха, начали вылезать они. Пиявки Памяти.

Это были твари размером с добрую крысу, чёрные, склизкие, с присосками, полными мелких зубов. Они не пили кровь – они пили воспоминания. Присасывались к голове – и готово: забыл, как тебя зовут, забыл, куда шёл, забыл, зачем живёшь. В Заповеднике их боялись больше, чем упырей. Упирь хоть кровь выпьет, но память оставит, а Пиявка – та хуже.

– Твою ж дивизию, – выдохнула Ядвига, хватаясь за «Сглаз». – А ну, брысь, падаль!

Первая Пиявка уже прыгнула, целясь прямо в лоб. Ядвига нажала на спуск. Из раструба вырвался сгусток зеленоватого света и врезался в тварь. Пиявка взвизгнула, задымилась и шлёпнулась в воду, распадаясь на куски.

– Разряд «лёгкое косоглазие», – прокомментировала Ядвига. – Для таких тварей в самый раз.

Но на звук сбежались другие. Их были десятки, они ползли из каждой кочки, из каждой лужи, из каждого пучка травы. Чёрные, блестящие, с голодными присосками.

– Ну, держитесь, – оскалилась ведьма и начала палить во все стороны.

«Сглаз-12» работал как часы. Зелёные, синие, жёлтые ступки вылетали из раструба, разили тварей направо и налево. Пиявки взрывались, замерзали, превращались в жаб, просто исчезали – в зависимости от заряда. Но их было слишком много.

Одна тварь всё-таки прорвалась, вцепилась Ядвиге в затылок. Ведьма взвыла от боли и холода, рванула её рукой, но присоски держали крепко. В голове поплыло. Воспоминания начали вытекать, как вода из дырявого ведра.

Вот она маленькая, учится летать на метле, падает, разбивает коленку, мама-ведьма её лечит...

Вот она первый раз на задании, ловит оборотня, тот её кусает, но она всё равно побеждает...

Вот Аглая... Аглая смеётся, говорит: «Ядвига, ты самая лучшая напарница на свете»...

– Нет! – закричала Ядвига. – Это моё! Не отдам!

Она рванула Пиявку с такой силой, что оторвала её вместе с клоком волос. Тварь заверещала, выгнулась и лопнула, забрызгав ведьму чёрной жижей. Ядвига стояла, тяжело дыша, чувствуя, как кровь течёт по шее, но главное – память вернулась. Аглая снова была с ней, в голове, живая.

– Ну, кто ещё? – рывкнула она, обводя взглядом болото.

Пиявки замерли, поколебались и начали отползать. С этой ведьмой было явно что-то не так. Она не просто сопротивлялась – она дралась за каждое воспоминание, как за родного ребёнка. Таких жертв они не любили. Слишком хлопотно.

Ядвига перевела дух, вытерла лицо рукавом и двинулась к клюкве. Руки дрожали, в голове шумело, но она не могла позволить себе раскиснуть. Клюква была нужна. Для тонуса. И для того, чтобы доказать этому болоту, что оно её не сломает.

Клюква росла на небольшом холмике, усыпанном ярко-красными ягодами. Ядвига набрала полную корзину, попутно жуя горсть – кислая, терпкая, но живая. Вкус детства. Её бабка тоже клюкву любила, говорила, что от ста болезней помогает. Бабка вообще много чего говорила, но Ядвига её слушала не всегда. Зря.

Уже собравшись уходить, она заметила странность. В центре клюквенной поляны лежал... заяц. Обычный русак, серый, с длинными ушами. Он сидел на задних лапах и смотрел на Ядвигу совершенно осмысленным взглядом. Но взгляд этот был не заячий – хищный, голодный, злой.

– Ты чего, косо́й? – спросила Ядвига на всякий случай.

Заяц оскалится. У него оказались клыки. Длинные, острые, как у волка.

– Я не косо́й, – прохрипел он. – Я вообще не помню, кто я. Но я хочу жрать.

И прыгнул.

Ядвига едва увернулась, заяц пролетел мимо, врезался в кочку и отскочил, как резиновый. Глаза у него горели безумным огнём.

– Тьфу ты, – поняла ведьма. – Это ж тот самый, которого я чуть не подстрелила! Помню, заряд ушёл в молоко... То есть в зайца! Я же ему память стёрла!

Она лихорадочно вспомнила: когда отбивалась от Пиявок, один заряд действительно улетел в кусты. Видимо, угодила в зайца. И теперь бедное животное забыло, что оно травоядное и пугливое. Вместо этого оно считало себя хищником.

– Заяц, одумайся! – крикнула Ядвига, уворачиваясь от очередного прыжка. – Ты не хищник! Ты морковку любишь, капусту, по полям скакать!

– Морковку? – заяц замер на секунду, в глазах мелькнуло сомнение. – А что такое морковка?

– Оранжевая такая, вкусная, хрустит, – быстро заговорила Ядвига. – Ты её обожаешь. Больше всего на свете. А мясо – это гадость, невкусно, жилисто.

Заяц снова замер, прислушиваясь к себе. Внутри боролись два начала: стёртая память травоядного и навязанный инстинкт хищника.

– Оранжевая? – переспросил он с сомнением. – Хрустит?

– Да! – Ядвига лихорадочно шарила в рюкзаке. У неё была с собой сушёная морковка, на всякий случай – Прохор ино-

гда капризничал и требовал лакомства. – Вот, смотри!

Она бросила зайцу горсть сушёной моркови. Заяц рефлекторно поймал, понюхал, надкусил. И в тот же миг глаза его подёрнулись поволокой счастья.

– О-о-о, – выдохнул он. – Это... это оно. Я вспомнил! Я заяц! Я люблю морковку! Я боюсь волков! Простите меня, гражданка ведьма, я не хотел вас съесть!

– Бывает, – махнула рукой Ядвига. – С кем не бывает. Ты иди теперь, лечись. И впредь под магические заряды не подставляйся.

Заяц благодарно кивнул, схватил оставшуюся морковку и ускакал в кусты, счастливо подпрыгивая и напевая что-то про огород.

Ядвига выдохнула, убрала «Сглаз» в кобуру и поплелась дальше. Клюква была собрана, болото пройдено, но сил почти не осталось. Впереди виднелся край Топи – твёрдая земля, поросшая нормальной травой, без всяких там говорящих кочек и пиявок.

Она выбралась на берег, мокрая, грязная, с клюквой в корзине и дырой в валенке. Села на пенёк, скинула обувь, вылила из неё воду. Ноги замёрзли, пальцы посинели, но главное – жива.

– Ну и местечко, – проворчала она. – Лучше бы я к Кощею в гости пошла, чем сюда. Хотя Кощей тоже тот ещё подарочек.

Она уже собралась переобуться и идти дальше, как вдруг

из кустов раздался треск и на поляну вывалился Упырь Семён. Местный участковый. Он был в форменной фуражке, съехавшей набок, в кителе, расстёгнутом на все пуговицы, и с лицом такого отчаяния, что даже у болота слёзы бы навернулись.

– Ядвига Карловна! – заорал он, увидев ведьму. – Ядвига Карловна, беда! Караул! Спасайся кто может!

– Семён, – устало сказала Ядвига. – Ты чего орёшь, как резаный? Ты ж упырь, должен солидно выглядеть, кровь там пить, людей пугать.

– Какая кровь! – Семён схватился за голову. – Тут такое... такое... В район прибыла комиссия! Из самого Гоголевского управления! Инспектор Гоголь!

Ядвига замерла. Валенок выпал из рук.

– Что ты сказал? Гоголь?

– Да! Тот самый! – Семён заметался по поляне, ломая кусты. – У него лица нет, вместо него чистый лист! И он пишет! Пишет всех! Я видел, как он описал одного лешего – и тот исчез! Прямо на глазах! Растворился! Теперь у лешего жена осталась, плачет, детей малых кормить нечем!

– Тихо, – рявкнула Ядвига. – Сядь и расскажи по порядку. Когда прибыл? Что сказал? Куда направился?

Семён рухнул на траву, обхватил голову руками.

– Утром прибыл. Прямо из воздуха появился, в шинели, с портфелем. Постучал к Лешему в избу, спросил документы. Леший, дурак, говорит: «А нету у меня документов, я

ж леший, я сам по себе». А Гоголь как раскроет свой портфель, как достанет перо, как начнёт писать... Леший прямо на глазах бледнеть стал, потом прозрачнеть, потом... хлоп! И нету. Только листок бумаги остался с описанием. А Гоголь этот листок в портфель убрал и дальше пошёл.

– Куда?

– К Соловью-Разбойнику! А у Соловья голос украли, он теперь вообще немой, какие у него документы? Он даже расписаться не может! – Семён всхлипнул. – А потом ко мне пришёл! Ко мне! Говорит: «Предъявите регистрацию». А у меня регистрация... ну, ты знаешь... я ж упырь нелегальный, меня из города выгнали, я тут без прописки живу...

Ядвига поднялась, зашнуровала валенки, закинула рюкзак на плечи.

– Слушай меня, Семён. Беги сейчас к Кощею. Скажи, чтобы прятался. У него игла в яйце, яйцо в утке – в общем, он знает. Пусть спрячет подальше. А я пойду встречать гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.